

Человек сидящий

Автор:

Алексей Федяров

Человек сидящий

Алексей Федяров

Автор рассказывает о годах, проведенных в качестве заключенного сначала в СИЗО, а потом в Тагильской исправительной колонии для бывших сотрудников правоохранительных органов. Автор погружает читателя в мир бесправия, где заключенные стремятся выжить, а стража – выжать из них как можно больше. Книга состоит из документальных очерков, написанных на основе авторских воспоминаний.

Их герои – «сидельцы» с разными судьбами, характерами, с разной способностью уцелеть физически и нравственно в условиях тотальной несвободы, постоянного унижения, голода, рабского труда и разлуки с родными. Все имена и фамилии изменены.

Алексей Федяров

Человек сидящий

Редактор Любовь Рыклина

Главный редактор С. Турко

Руководитель проекта О. Равданис

Корректоры М. Смирнова, Е. Чудинова

Компьютерная верстка М. Поташкин

Дизайн обложки Ю. Буга

© Алексей Федяров, 2019

© Вера Демьянова, иллюстрации, 2019

© ООО «Альпина Паблишер», 2019

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Клубника в лесу

Ранним летним утром на реке очень хорошо. Если день приходит солнечный – над рекой полупрозрачный туман, он почти белый, стоит невысоко, как бы стесняясь расти вверх и обозначая: я здесь, но я так, для порядка, и уже уйду. Я сижу на берегу с простенькой удочкой, у меня нет хитроумных ловушек для рыбы вроде тех, что мастерят другие мальчишки, меня не волнует, сколько я поймаю, – мне нравится рассвет, берег и неровное подрагивание поплавок на волнах.

В этом месте почти никогда нет рыбаков, оно не считается рыбным, и я, когда мама отпускает, прихожу утром и сижу, пока не наступает день, а рыбы уплывают по своим делам глубоко ко дну и поплавок замирает.

Тогда я отпускаю наловленное: мне жаль этих окуней, они блестят на солнце, как радуга, они – часть реки, света и тумана.

Дорога сюда ведет через лес, в мае здесь можно набрать букетики ландышей для мамы и сестры, а чуть позже появляется клубника. Ягоды висят среди широких листьев, сначала ты замечаешь одну, а присев и присмотревшись, видишь, что их очень много, их тут сотни, а если срываешь нежадно и не ломаешь тонкие стебли – тысячи. Есть эту клубнику надо не торопясь, она должна растаять на языке, тогда время останавливается и ты слышишь каждую птицу в лесу.

Солнце поднимается, и надо идти домой.

Но я просыпаюсь.

Громко играет гимн, это подъем, скоро откроется окошко в двери камеры – кормушка. Откроется с лязгом. Здесь все работаем громко и с лязгом. Я знаю это и знаю, что надо просто привыкнуть.

Вчера вечером меня на улице встретили тени – их было много – и увезли с собой. По дороге молчали. Первым со мной беседовал начальник следственного отдела. Он тоже сначала долго молчал, а потом много говорил. Ему хотелось, чтобы

много говорил я, но я видел, чего он хочет, и он видел, что я все понимаю, это его раздражало, а я думал, какой срок мне предстоит.

Что срок предстоит, я не сомневался. Уголовное дело в производстве госбезопасности. Значит, приговор будет и дело лишь в размере наказания. Судей, способных оправдать по делу, выпущенному с конвейера ФСБ, не осталось.

Я беру из кормушки кружку с кипятком и миску с баландой. Алюминий жжет руки, мне непривычно касаться губами горячего металла. Заставляю себя есть. Нужны силы.

В кабинете следователя людно. Тут опера, они цепляют глазами каждое мое движение. Им неинтересно, виновен я или нет, – я это знаю. Я сам был следователем и сам руководил следователями достаточно долго, чтобы знать: интересна лишь судебная перспектива дела. Моя виновность доказана фактом возбуждения уголовного дела. Теперь нужно лишь, чтобы я признался. Хоть в чем-нибудь. Признание вины – это сакрально, это единственное, чего от меня сейчас будут добиваться.

– Какого адвоката пригласите? – спрашивает следователь.

Он очень вежлив. Показательно, подчеркнуто вежлив.

– Мне не нужен адвокат, – отвечаю я ему в тон. – Вызывайте адвоката по назначению.

Следователь удивлен. Опера тоже. Но вызывают.

Адвокат приезжает быстро. Чего еще ожидать от защитника, работающего по назначению следственного отдела ФСБ.

Защитник по назначению стороны обвинения, работа которого оплачивается по постановлению следователя, – это ли не прекрасно?

Адвокат молод, он вчерашний студент, но держится уверенно. Снимает полушубок и вешает его на плечики в шкаф. Проходит к столику с чайником,

берет чашку и наливает себе кофе. Все это он делает спокойно и явно не в первый раз.

– Сахара опять нет? – спрашивает он и, не обращая внимания на молчание следователя в ответ, наконец смотрит на меня, присаживается рядом и протягивает руку. – Петр, – с улыбкой говорит он. – Ну, что делать будем?

Делать мы пока ничего не будем. Только молчание в первые дни оставляет мне шансы хотя бы снизить накал абсурда. Якобы я получил деньги для передачи взятки – суммы для меня гигантской. Но людей, чьи имена мне называют следователи, я не знаю и передать им ничего не мог. Но это неважно.

Это будет неважно и потом, когда найдут и осудят тех, кто взял эти деньги. Я же останусь преступником навсегда. Решение принято сейчас, задолго до приговора. Следствие может длиться год, но судья лишь оформит принятое сейчас не им решение и пойдет домой, а я буду ждать этап.

Понимание неизбежности предстоящих испытаний – жестокое знание. Оно из тех, что несет печали. Но меня оно удержало на плаву в первые дни, которые определили все.

Я принял надвинувшееся на меня зло, чтобы пережить то, что оно принесло.

И пережил.

Знаю, что всего этого могло не быть. Но знаю, что могло быть больше, случись мне потерять себя в те первые дни.

Я снова увидел маму и детей.

Я так же люблю утро и реку. Это теперь другая река. На ней такой же туман, но я совсем разлюбил удочки и никого не ловлю. Пусть все живут и плавают.

Я ни о чем не жалею. Разве что о клубнике – о той, с берега реки из детства, от которой слышишь каждую птицу в лесу.

Но ее не осталось.

А другой я не хочу.

Бойницы, повернутые внутрь

Прежде всего человек, попавший в Чебоксарский СИЗО, узнает о том, что он оказался в самом старом в России пенитенциарном учреждении. Об этом прибывшему, будь он новым сотрудником или арестантом, скажут практически сразу. Хотя никому этот факт не интересен. Первым важнее оклад и пенсия, вторым – суд и приговор.

Строение необычное. Его никогда не использовали как «вольное» сооружение. Как тюрьму его строили изначально, с XVII века, так оно и используется.

Вряд ли менялись и сотрудники. Вертухаю незачем меняться. Какая разница, кто сидит за железной дверью, в камере, которой почти пятьсот лет. Важно лишь то, что арестанту можно, что нельзя, когда ему принести еды, когда сводить на прогулку и помыться.

Для этого есть внутренний распорядок, он максимально прост и цикличен, каждый день все повторяется по часам, и лишь раз в неделю помывка вносит сумбур.

Камер немного, всего тридцать девять, но десять из них еще те, вековые.

Стены старой постройки широкие, окна арочные. Смотришь изнутри на такое окно долго и начинаешь думать: что же в нем не то? Ну окно и окно. Но нет. Стены и подоконник сильно скошены, как у бойницы. Но обычная бойница – для того, чтобы стрелять ИЗ крепости, вести бой против наступающего извне врага, и скосы у таких проемов наружу, чтобы был больше угол обзора. И обстрела.

А здесь скосы внутрь. Стрелять неудобно.

Потом приходит понимание. Неудобно стрелять наружу. А если ты снаружи стреляешь в тех, кто внутри, – это очень удобно. Скрыться практически

невозможно, мертвых зон от внешнего стрелка в камере нет. Просто и гениально.

К моменту, когда человек попадает в камеру, он уже не сомневается, что те, кто его стережет, могут стрелять в него, и понимание, что окна в камере – это бойницы, повернутые внутрь, не вызывает удивления.

Он уже проходил процедуры обысков, он раздевался догола – всегда прилюдно, в коридоре, прямо у стола дежурного. Мимо ходили мужчины и женщины в форменных куртках и штанах, у них погоны, у некоторых на поясах ключи, у всех дубинки. Они шутили, новенький – это весело. Человек приседал несколько раз, глубоко, так просят, чтобы удостовериться, что он не проносит в изолятор ничего в прямой кишке. Потом он одевался, пока еще в свое, это еще не колония, где у всех одежда одна – роба. Но своя одежда перестала быть для него своей, ее много раз перещупали и отбросили чужие руки. Если он дерзил, его уже били. Профилактически. Умело и буднично.

После обысков и оформления арестованного отводят в карантин – якобы карантин, где вновь прибывшего якобы проверяют медики. На деле никто его не осматривает, его просто сажают в карцер и оставляют одного. Это всегда происходит ближе к ночи; даже если человека арестовали утром, день он проводит в автозаках и боксах. В карцер его заводят выжатым. Он откидывает от стены шконку[1 - Шконка – спальное место в исправительных учреждениях. – Здесь и далее прим. ред.], расстилает на ней матрас, продавленный и скомканный внутри тысячами ворочавшихся на нем тел. Других нет. Человек ложится и засыпает, но ненадолго: просыпается тюрьма и становится не до сна.

Начинают работать «дороги». По натянутым в вентиляционных трубах нитям из камеры в камеру передаются малявы[2 - Малява – письмо, нелегально передающееся заключенными из тюрьмы на волю или из одной камеры в другую.], чай, сигареты и припасы. Тюремщики этого как бы не видят. Как бы – потому что это не несет большого вреда администрации, а пользы много: дороги и переписка внутри тюрьмы интересны операм, о них докладывают агенты, часто опера сами устраивают свои игры с дорогами, и, чтобы игра получилась, зэк должен быть уверен, что дорога – его святое право. Да и пресечь такого рода взаимодействие арестантов несложно, если вдруг по-настоящему понадобится.

Но слышать в первый раз, как налаживаются и работают ночные дороги, жутко каждому. В вентиляции стоит крик, арестанты передают из камеры в камеру

просьбы и ответы, согласовывают пути доставки, порой логистика сложна и проходит через камеру карцера, где сидит новичок, к нему могут обратиться, а он еще не знает, что отвечать. И хорошо, если он просто честно скажет, что еще ничего не знает и не умеет. И никому не нагрубит.

Чаще всего – это одна ночь, после которой ритуал карантина считается выполненным и новый арестант отправляется в камеру. Его чаще всего уже ждут. О том, что прибыл человек, кем и за что он арестован, тюрьма узнает сразу, сидельцы даже примерно знают, в какую камеру его поведут. Это несложно, принципы заполнения камер просты, и те, кто внутри их, знает их не хуже тех, кто снаружи.

Напротив изолятора собор, его здание и тюрьма – две самые старые постройки в Чебоксарах. Когда человека выводят на первую прогулку в глухой бетонный дворик с тройной решеткой сверху, откуда никогда не видно солнца и где всегда стойкий осадок дешевого сигаретного дыма, он задумывается о том, что здесь, поблизости, он часто ходил и ездил, это центр старого города, рядом набережная. Но собор он видел, а это здание, что построено раньше собора, не замечал.

Важное здание. Когда первая тюрьма, еще деревянная, сгорела при пожаре в начале XVII века, ради возведения нового острога отложили возведение собора, и это был тот случай, когда церковь не возражала против приостановки строительства храма.

Был период обустройства Сибирского тракта, он шел через Чебоксары, и город резко начал развиваться, как и все территории, куда погнали каторжников.

И собор, и тюрьма функционировали во все времена и при всех режимах. По собору вопросы были. По тюрьме нет, ее только расширяли.

Перемещение человека из XXI века в условия позднего Средневековья – суть заключения под стражу. Разве что вода холодная подается в камеры. И еще там есть теперь унитазы.

Но люди за дверью остались те же. И бойницы окон повернуты внутрь.

Арестантов там будут держать еще долго. Построено все солидно. Проверяющие уезжают довольными.

В туристических справочниках этот объект указан.

Описан так: «Сегодня, как и сотни лет назад, двери учреждения ИЗ-21/1 по-прежнему широко распахнуты перед новыми клиентами». И фотографии делают романтические, со светом играют.

Ну а почему бы экскурсии рядом не поводить, раз все так сложилось?

Жаль, что не заводят внутрь.

Полковники с картонными звездами

Василий жил в камере СИЗО шумно. Именно жил. Невысокий, даже маленький, он был толст и подвижен, внезапно утомлялся и неожиданно засыпал, ярко грустил и уничтожающе хохотал.

Арестовали его по обвинению в получении множества взяток. Работал он руководителем пожарной лаборатории МЧС – научно-исследовательской, назидательно уточнил бы Василий.

Абсолютно надуманная структура – были раньше эксперты в штате пожарного ведомства и оставались бы, но нет, бюджет требует сущностей.

Расширение структур порождает должности, должности – звания. Сон разума.

Поэтому Василий был полковником. Брал он по-мелкому, дробно, много и часто, того стеснялся ввиду несопоставимости взяток со значимостью звания, коим гордился.

– Я полковник, – говорил он конвоирам, закладывая руки за спину.

- Да-да, - соглашались они и вели Василия на прогулку.

- Скажи мне, - спросил я его как-то, - а твоя лаборатория нужна государству?

- Конечно.

День выясняли. Установили печальное: полковник жил в заблуждении, будто он имел право выдавать разрешения на деятельность. Оказалось, что не только разрешительными полномочиями, но и правом проведения проверок он не обладал.

Учреждение его было экспертным, а лицензия истекла год назад, и продлить ее Василий в пылу выполнения начальственных функций (нескончаемых совещаний и пьянок) забыл.

- Так ты мошенник, за что ж ты бабки-то брал? - подвела итог хата[3 - Хата - камера в СИЗО или зоне.].

Василий не спал в ту ночь. Боль падения немного ослабла после изучения статьи 159, которая оказалась намного мягче 290-й, что вменялась ему, но удар был страшной силы, и заснул арестант только под утро, как-то особенно щемяще захрапев.

Утром добил его злой вопрос обитавшего на соседней шконке подполковника госбезопасности.

- Ну что, полковник, где твой полк?

Жестокий вопросец.

За двадцать последних лет полковников стало столько, что этот вопрос скоро можно будет задавать постовым. А начальники ОВД станут генералами.

Через пару дней Василий вжился в новую роль. Он доказывал каждому, что никаких полномочий не имел и взятки ему вменяют незаконно. Что он всего лишь мелкий мошенник и должен быть под домашним арестом. А еще через пару дней слово «арест» сменилось на «подписку о невыезде». Чуть позже в

сбивчивых речах его стало постоянно звучать сочетание «оправдательный приговор».

Точку поставил суд. Взятка, безумный срок, строгий режим, штраф, лишение звания.

Сейчас он на строгом режиме для бывших сотрудников. Снова «полковник», там их, с картонными звездами и без полков, сотни.

Сначала им, в сущности прапорщикам, дали придуманные должности и неоправданные звания. Полномочий не дали (а зачем?). Научили брать ни за что (а что, все же так живут). Потом посадили.

Работу они убежденно имитировали, а срока получили настоящие.

По сути, они хорошие люди, им бы звания пониже и брандспойты в руки.

Крыса, белка и президент

День задался. Холодильник стоял в углу камеры, сиял белизной, еще не пропах тюремным духом, еще был инородным, домашним, больно напоминающим о суматошных семейных завтраках. Он был вновь арестованным, конечно, арестованным – не для того собирают такие белые и домашние холодильники, чтобы они стояли в тюремном смраде.

Еще месяц назад просьба о нем как о благотворительной помощи пошла по инстанциям и две недели собирала подписи, потом он пересек порог СИЗО и дематериализовался; мы просили – нам говорили, что его проверяют на взрывчатые вещества и наркотики; мы требовали – над нами смеялись; мы пытались гордо молчать – на нас клали; мы снова просили; и вот арестанты из хозобслужки принесли его в магазинной нетронутой упаковке.

Мысли о доме резанули и снова были спрятаны – завтра Новый год, мы научились радоваться малому.

Жены и матери отстояли тоскливые очереди, передачи нам принесли – и к месту холодильник, к месту и вовремя.

В камере осталось всего трое, на восемь мест, такое бывает, и это – королевский подарок к Новому году, нам завидовали, мы этой зависти улыбались, понимали, что это тюрьма и все меняется в ней в секунду.

И правильно улыбались.

Через час после холодильника в камеру внесли – идти он не мог, как стало позже известно, – Юрия Афанасьевича. Он был желт, нестрижен, небрит, пьян, мутноглаз, да и просто мутен.

Для контактов он был доступен условно и смог пояснить лишь, что вчера его судили, а судили его, безусловно, незаконно за избиение жены.

Побои, заявление жены, исправработы, запой, неявка на работы, запой, неявка, доставка в суд и замена наказания на лишение свободы, колонию-поселение. Бывший сотрудник, а значит, в Коми. Сроку – три месяца без малого.

Слова, которыми Юрий Афанасьевич изъяснялся, описывая случившуюся репрессию, наталкивали на мысль, что бээсник он ввиду многолетней службы либо в ППС, либо во ФСИН. Оказалось второе, потому он (какой-никакой, а свой) обошелся без карантина и был сразу приведен в люди. Пах он дном рабочего поселка, суррогатным пьянством и время от времени, в самые драматичные моменты монолога, кратко метеоризировал, что не контролировал и давно перестал замечать.

В заботах о приведении нового жителя в относительно потребный вид прошел вечер. Мыться он не любил, к чистке зубов относился с презрением, с наслаждением выкурил сигарету, предложенную Евгением, отследил, что у того на свободной верхней шконке лежит несколько блоков, и немедленно проникся к сокамернику уважением. Заснул быстро и крепко.

Но ненадолго.

– Фаина! – Крик был внезапным, – Фаина, зачем ты меня закрыла? Выпусти меня!

Он нервно вскочил и подлетел к двери. Открылся глазок. Юрий Афанасьевич акцентированно ударил в него лбом.

– А, это этот, – емко констатировал продольный[4 - Продольный – сотрудник ФСИН, несущий дежурство на продоле – в тюремном коридоре.] и перестал реагировать.

Реагировать между тем было на что. До четырех утра Юрий Афанасьевич требовал, чтобы Фаина, его неверная, как выяснилось, жена, выпустила его из камеры и отвезла домой, перестала спать с начальником тюрьмы и соседом; хитро прищуривая желтые глазки, он неубедительно обещал простить жену за все и, сжимая тощие кулачки, убедительно обещал закопать сразу же, как только она его выпустит.

Коридорные вертухаи-продольные веселились, смеялась тюрьма, и только мы прощались с Новым годом.

И не зря. Пометавшись чутко и тревожно пару часов на шконке, Юрий Афанасьевич проснулся. Бесшумно прошел к сигаретам Евгения, вытащил пачку из дорогих, что тот держал для себя, нашел спички. Из долгожданного, но забытого всеми (не до него) холодильника им была похищена колбаса, аккуратно положенная старожилом хаты Василием.

Он стоял у двери, улыбался и был безмятежен. Ел и курил. Проснулись все.

– Здравствуй, Фаина, – рассеянно глядя на нас всех одновременно, сказал Юрий Афанасьевич, не понимая, что он только что скрысил. Это непонимание его спасло.

– Впервые вижу крысу[5 - Крыса – заключенный, который ворует у других арестантов.], к которой пришла белка[6 - Белка – алкогольный делирий, или белая горячка.], – произнес Евгений, человек повидавший.

«Белка» действительно пришла. 31 декабря был прекрасен в своей незабываемости. Делирий Юрия Афанасьевича днем кидал его на стены, подвигал на длинные рассуждения, заставлял искать Фаину под шконками, зорко наблюдать за открывающейся дверью и бесстрашно бросаться в побег прямо на ржущих вертухов.

И только Путин спас хату. Новогоднее поздравление Юрий Афанасьевич выслушал как заклинание. Для завершения ритуала я сунул ему в руку стакан с колой. Выпил он ее со вкусом, не торопясь, трогая языком небо и причмокивая.

– Все будет хорошо, все будет хорошо, – повторял он, засыпая.

«Белочка» ушла. Путин прогнал.

Фаину он больше не вспоминал, а она ему принесла передачу. Пахнуть суррогатами он перестал через две недели. Желтизна сошла к февралю. Когда понял, что за уборку камеры можно получить пачку сигарет, – хата стала сиять.

Играл в нарды и ехидно заставлял отжиматься проигрывавшего ему Василия, толстого полковника МЧС, который был скуп на сигареты, за что Афанасьич относился к нему беспощадно и на слово не верил.

Уехал он на этап в конце февраля, и это необъяснимо. Отбыл он в СИЗО почти два месяца. Оставалось чуть более трех недель. Везти человека за восемьсот километров, с двумя транзитными тюрьмами, чтобы выпустить из карантина по прибытии, либо вообще на каком-то полустанке по дороге, – странная экономика у этого предприятия.

Но Юрий Афанасьевич не жаловался. Когда протрезвел и побелел, проявил он себя убежденным государственнымником, строго пресекал проявления либеральной мысли и обещал съездить в Крым, как освободится.

Крепкий хозяйственник

Пространства камеры Петру Моисеевичу безумно не хватало. Доброго нрава, в свои шестьдесят он был подвижен, бодр, смотрел прямо в глаза, хотя почти всегда для этого ему приходилось привставать на носочки.

– Петр, мастер спорта СССР, – твердо проговаривал он, представляясь, и подтверждал статус хрустким сжиманием кисти нового знакомого.

В юности он занимался вольной борьбой, состоялся в легком весе и был известен некогда в узких кругах, явно тесных его широкой натуре.

В милиции Петр Моисеевич послужил участковым в небольшом околотке, а потом решил пойти в политику, для чего сначала осмотрительно стал крепким хозяйственником, тогда были модны именно такие. Скупив бросовые земли запустелого колхоза, он поначалу окунулся в фермерство, но рутину скоро оставил брату, не такому энергичному, но по-хорошему скопидомному. Брат его подкармливал в годы разных сортов местного депутатства, выгод не приносившего, но «подожди, наше время придет». Кормил и в тюрьме, брат как-никак.

– Я корнями из земли, – гордо говорил Моисеич.

– Наш человек, – гордился Василий, пожарный полковник, Моисеич ему нравился.

– Да, в навозе вы сейчас оба по пояс, – подытоживал Евгений, подполковник ФСБ.

В какой-то момент Петр Моисеевич, поблуждав по партийным спискам, возглавил захолустный район и с наслаждением бросился уничтожать миргородские лужи. Он был Фигаро и Зевс, казалось, не спал, женился, разводился и был щедр к внезапно возникшим поклонницам, плодил долги и детей.

Кое-кто из поклонниц и экс-жен теперь приходил на свидания, и к организации этих встреч Петр Моисеевич подходил с кропотливостью и тщанием. Женщин он ценил. Каждая была единственной.

Внезапно выяснилось, что у главы района должны быть деньги. Выборы, встречи и прочие «мероприятия» оказались делом хлопотным и затратным, некоторых тонкостей бюджет попросту не предусматривал.

Выкручивался Петр как мог, но «один из» неизбежно оказался казачком. Конечно, Моисеич был неглуп и все предусмотрел, за «благотворительной помощью» к «заинтересованному инвестору» поехал его близкий друг, бывший адвокат и проверенный человек.

Проверенный человек тоже был малый смысленый и, когда его повязали при получении, в минуту согласился на сотрудничество и деньги передал Петру Моисеевичу – уже под контролем. Сумма не ахти какая, но аккурат на шестую часть статьи 290-й, взятка в особо крупном размере.

Ходил проверенный человек под подпиской о невыезде все следствие и долгое судебное разбирательство.

Моисеич его терпеливо ждал.

Вечером, в день вынесения приговора – когда Моисеичу отмерили одиннадцать лет и 280 млн штрафа, а бывшему адвокату вероломно отвалили три года реального срока, хотя он ждал обещанного условного, – централ сотряслся от рыка.

– Ведите его сюда, дайте его мне в хату, я буду его опускать, я жду, – изнемогал маленький, но страшно могучий в этот момент Петр Моисеевич.

– Моисеич нерв словил, – спокойно высказались блатные и порешили препятствий не чинить.

Хоть и был Петр бээсником[7 - Бээсники – бывшие сотрудники силовых органов.], но из-за его доброго нрава и готовности помочь ему, как и некоторым другим из этой когорты, даже выказывали некое подобие осмотрительного уважения.

Но привели адвоката Сергея не в хату к Моисеичу, что понятно, но даже и не в смежную, на что тот надеялся, а в соседний блок, через проход – тюремный коридор.

Когда за ним захлопнулись тормоза, как люди в тюрьме называют дверь камеры, Сергей прислонился к стене.

Стоять и держать матрас у него не было сил. Брюки без ремня предательски падали. Вопли Моисеича долетали приглушенными, но оттого становились похожи на завывания вурдалака, именно так он звучит, никаких сомнений.

Страх был помножен на крушение веры в условный срок, на прямой обман оперов, Сергей даже на приговор пришел в галстук, убежденный, что вечером отметит окончание беды в ресторане. Отстучав зубами по кружке с чаем, Сергей не заснул. Ожидание страшной мести не давало ему спать еще много дней.

Вертухаи веселились пуще некуда, и прогулка на следующий день у Сергея была устроена в соседнем с хатой Моисеича дворике. Кричать тот уже не мог, только хрипел, но Сергей все равно не был способен к коммуникации.

В жизни, если ожидаешь чего-то ужасного, ничего подобного не происходит. Ужас или внезап, или его нет. Гнев Моисеича угасал с каждым днем, угасал – и угас. Опера заскучали, и Петр с Сергеем таки оказались в смежных камерах.

Набравшись духу, ночью Сергей залез на унитаз, дотянулся пухлыми губами до вентиляционного окошка и зашептал:

– Моисеич, Моисеич, ты там? Моисеич, ты это, не обессудь, меня заставили, прости меня, обстоятельства, сам понимаешь, – льстиво вытягивал шею Сергей, одновременно и уворачиваясь, и в страхе закрывая глаза, будто видел в воздуховоде ползущего к нему Петра Моисеевича и не мог убежать.

– Иди сюда, падла, убивать буду, – устало ответил Моисеич и, помолчав, добавил: – Жалобу пиши апелляционную.

Уехали они на этап вместе в одну колонию строгого режима. Жили, с заточками друг за другом не гонялись.

Сергей оперился и снова стал вертким и острым на язык, потом отбыл положенное и вышел.

Моисеичу еще вечность.

Часть жен его ждет.

Умение решать вопросы

Если Борис Иванович был в чем-то убежден, то фундаментально.

– Я здесь ненадолго, – увесисто ронял он, глядя в стену за спиной собеседника, если ему случаем спрашивали о его деле.

Так он отвечал на вопросы – за что и как давно здесь, этой же фразой оценивал свои перспективы.

Был он шестидесяти без малого лет, как сам отмечал – «лицом материально ответственным», проработал на крупном предприятии, от роду советском, а затем поначалу абы чьем, но через пару уголовных дел – квазигосударственном. Был завскладом, жизнь знал, людей видел насквозь: «все воруют». На пенсию накопил, дом имел. Жена, сын, дочь, рыбалка – в ожидании его скорого выхода. Здоровье железное, кулаки под пуд.

На дикие доходы и золотые парашюты «эффективных менеджеров» не раздражался: «Надо уметь решать вопросы», – равно не удивлялся и их арестам: «Надо уметь решать вопросы».

Желание удалиться от суеты сбылось, да не совсем. Зять – с бегающими глазками, широкой сверкающей улыбкой и успокаивающим «Да ладно, чё ты?» – пригласил поработать директором строительной организации. Дал кабинет, даже почти два («ну там, комнатка чаю попить») и бухгалтера, девушку сметливую, пожившую и понимающую.

Компания зятя строила здания, а фирма Бориса Ивановича из двух человек прогоняла через себя субподряды. Первые пару лет было немного некомфортно и даже, что уж лукавить, страшно, но все происходило просто и обычно, и прокуроры приезжали по пятницам в баню, и судьи, и разные другие – все пили, обнимались и говорили зятю «брат». Страх прошел. Все так живут. Надо уметь решать вопросы.

Но вот у зятя случился бюджетный подряд, построил чего-то для города. И тот подряд обмывали со всеми друзьями-погонами: «Новая ступень, брат».

Субподряд от этого подряда был не то чтобы большой, видали поболее, но через год страх вернулся с обоснованием в виде обысков и уголовного дела. А затем ареста.

Зять исчез, и розыск его результатов не дал, но следователь как-то не переживал.

Исчезли и друзья.

Зато зять успел нанять адвоката. Тот был хорош. Сразу после обыска нашел все «выходы». Должны были дело прекратить, обещали.

– Понимаешь, силы вмешались серьезные, надо подождать, пока ажиотаж пройдет, пару недель, дело-то на слуху, – обволок его мягким шепотком адвокат на первом свидании, еще в ИВС[8 - ИВС – изолятор временного содержания.], после задержания.

Как не поверить. Серьезный человек.

– Но надо расходы некоторые покрыть: сам понимаешь, уровень серьезный.

Как не понять. Покрыли.

Потом еще покрыли. Потом еще.

На четвертом месяце ареста, в уверенном предвкушении скорого прекращения дела, Борис Иванович узнал, что еще внучка вот-вот тоже должна появиться и

присоединиться к его недолгому ожиданию.

Родилась она, когда он с той же уверенностью знакомился с окончательным вариантом обвинения, следовательно с адвокатом сидели в маленьком кабинете СИЗО свежие, бодрые, внушающие оптимизм. Поздравляли.

Новый член семьи не был Борисом Ивановичем лично осмотрен и учтен, и это обстоятельство стало разрушать стройность мироздания. Что-то ощутимо шло не так.

Но адвокат был хорош. Просто и понятно он объяснил, что дело можно «решить» только в суде и там оно без вариантов умрет и что оправдательный его ждет и потом – реабилитация.

– Не, ну красавец, – говорил Борис Иванович в камере вору-бедолаге[9 - Бедолага – отбывающий срок арестант, у которого нет «грева»: ему никто не помогает с воли, он живет «на хозяйском»: ест баланду, одевается в то, что выдают, работает на производстве или занимается уборкой барака (кроме отхожих мест, которые могут убирать только опущенные и отделенные). – Прим. авт.] Сереге, которому симпатизировал.

– Красавец, – отвечал с готовностью Серега, и какая-то улыбка мелькала у него странная, но тут же становилась обычной – Иваныч помогал с куревом и пропитанием.

Снова стало тревожно, когда выяснилось, что пожившая и понимающая девушка-бухгалтер заключила досудебное соглашение и наговорила всякого (правду, конечно, но зачем?) и дело в отношении ее ушло в суд и ее как-то быстро осудили, пусть условно, но осудили. Приговор принес ему адвокат и все опять грамотно объяснил.

– Ну осудили, ну мошенничество, ну особо крупный, так это же особый порядок, на тебя не влияет, но вот она, дура, будет теперь судимой, – вздыхал он, и, действительно, все становилось понятно.

В камере делился с Серегой.

- Дура, - соглашался Серега и тянулся за сигареткой.

Иваныч смотрел на него с благодарностью.

Когда дело у Бориса Ивановича подошло к приговору, Серега получил свою трешку и уехал на общий режим.

В камере остались какие-то злые. Говорили нехорошее об адвокатах. Им с адвокатами не везло.

- Надо уметь решать вопросы, - сурово говорил Борис Иванович.

С ним не спорили. Передачи ему заносили регулярно, жадным он не был. К чему споры в таком раскладе?

На приговор адвокат прийти не смог, был очень занят. Семь лет и шесть месяцев. Иск, штраф.

Парни в камере не шептались и не смеялись, не принято. Напоили чаем, у самого как-то не получалось в этот вечер.

Адвокат пришел через два дня.

- Непросто, ох как непросто по твоему делу, Иваныч, - говорил он, не моргая. - Теперь только апелляция.

Без Сереги в камере поговорить было не с кем.

Апелляция прошла через три месяца - буднично и быстро. Бориса Ивановича слушать не стали, люди судейские были очень заняты, но к этому он начал привыкать. Все вокруг, кто при власти, очень заняты.

- Да они и не вникали, команда такая им спустилась, понимаешь, - адвокат вновь был безупречен, - но в кассации такое не проходит. Решим в кассации. От тебя больше ничего не надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Шконка – спальное место в исправительных учреждениях. – Здесь и далее прим. ред.

2

Малява – письмо, нелегально передающееся заключенными из тюрьмы на волю или из одной камеры в другую.

3

Хата – камера в СИЗО или зоне.

4

Продольный – сотрудник ФСИН, несущий дежурство на продоле – в тюремном коридоре.

5

Крыса – заключенный, который ворует у других арестантов.

6

Белка – алкогольный делирий, или белая горячка.

7

Бээсники – бывшие сотрудники силовых органов.

8

ИВС – изолятор временного содержания.

9

Бедолага – отбывающий срок арестант, у которого нет «грева»: ему никто не помогает с воли, он живет «на хозяйском»: ест баланду, одевается в то, что выдают, работает на производстве или занимается уборкой барака (кроме

отхожих мест, которые могут убирать только опущенные и отделенные). – Прим. авт.

Купить: https://tellnovel.com/ru/fedyarov_aleksey/chelovek-sidyaschiy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)